

Герберт Осбери

Банды Чикаго

«Центрполиграф»

Осбери Г.

Банды Чикаго / Г. Осбери — «Центрполиграф»,

Это история золотого века криминального Чикаго. Автор рассказывает о том, как организованная преступность утверждала свою репутацию в городе, описывает жизнь криминальных районов. Действие книги простирается от дней «барачного поселка» до эпохи сухого закона.

Содержание

Предисловие автора	6
Введение	7
Глава 1	14
1	14
2	15
3	16
4	18
5	23
6	25
7	26
8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герберт Осбери Банды Чикаго

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Посвящается Свенду и Лиз

Предисловие автора

Ограниченный объем публикации не позволил включить в эту книгу более представительные материалы, касающиеся чикагской преступности в эпоху сухого закона. Читателям, которые захотят подробнее ознакомиться с деятельностью Джонни Торрио, Аль Капоне, Дайона О'Бэньона и других знаменитых бандитов, советую обратиться к таким работам, как «История преступности в Иллинойсе», 3-я часть (Джон Ландеско); «Дорога с односторонним движением» (Уолтер-Нобль Бернс); «Аль Капоне» (Фрэд Д. Пейсли) и «Королевское преступление» (Коллинсон Оуэн), выпущенные торговым домом «Инглишмэн».

Выражаю благодарность гражданам Чикаго за их многочисленные советы и помощь при сборе материалов для этой книги. Отдельно хочу поблагодарить Митчелла Доусона; Милдред Брудер – сотрудницу Чикагской публичной библиотеки; полковника Генри Барретта Чемберлена из Комитета по расследованию преступности города Чикаго; а также Л.И. Дики из города Эвенстон (шт. Иллинойс).

Введение

Примечательно, что самые колоритные сцены жизни Чикаго и портреты его выдающихся горожан были написаны заезжими писателями и журналистами. Так, Элтон Синклер написал свой роман «Джунгли», проведя в Чикаго всего несколько недель. А результатом многомесячного пребывания в этом городе британской журналистки Бесси Пирс являлся сборник «Чикаго – взгляд со стороны», в котором она собрала около полусотни документальных свидетельств различных путешественников. За последующие полвека вышло еще множество работ, авторы которых пытались добросовестно разобраться, в чем же состоит уникальность и одновременно типичность этого американского мегаполиса. Даже Э.Д. Либлинг, чья книга «Чикаго: город номер два» все-таки отражала взгляды жителей Восточного побережья США. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что наиболее известная из всех книг о чикагской преступности, «Жемчужина прерий»¹, была написана и издана в Нью-Йорке. Книга Осбери отражает все типичные предубеждения, связанные с этой темой.

Г. Осбери родился в 1891 году в маленьком городишке Фармингтон (шт. Миссури). Полностью посвятив себя журналистике, он исколесил в качестве репортера всю Америку. Сменив десятки изданий и городов – от захолустного Квинси (шт. Иллинойс) до Атланты, столицы штата Джорджия, – в начале 1920-х годов он добрался до «Нью-Йорк трибюн». Как и многие его коллеги, он мечтал о карьере писателя, а потому и периодически посылал короткие заметки в различные журналы. Одна из этих статей и принесла Осбери мгновенную известность. В апрельском номере «Америкэн меркюри» был опубликован его очерк «Ночная бабочка» – сочувственное описание жизни единственной в его родном Фармингтоне проститутки. Там он нарисовал мрачную картину жизни падшей женщины, чьими услугами охотно пользовались местные лицемеры, изображавшие из себя твердых поборников морали. Символом полного нравственного разложения стал тот факт, что клиентов-протестантов она обычно удовлетворяла на католическом кладбище, а католиков – на протестантском.

Если гнев и возмущение обывателей Фармингтона нетрудно было предсказать заранее, то не менее жесткая реакция со стороны официальной Америки оказалась довольно неожиданной. Вслед за запретом местных властей на распространение журнала со статьей в самом Фармингтоне генеральный почтмейстер страны Гарри С. Нью распространил этот указ на всю территорию США. Когда Наблюдательно-попечительский совет Новой Англии потребовал от полиции прекратить продажу журнала, издатель «Меркюри» Генри Л. Менкен попытался обойти цензурные рогадки и, будучи общенациональным лидером борьбы с предрассудками, организовал публикацию статьи в другом периодическом издании, «Бостон коммон», но и этот номер был арестован. И хотя инцидент в конце концов разрешился, однако, чтобы добиться федерального предписания на отмену этого незаконного запрета, потребовались долгие недели судебных разбирательств.

Продолжая борьбу с цензурными нападками, Генри Менкен сделал Осбери одним из ведущих журналистов по вопросам нравственности американского общества. Очерк «Ночная бабочка» вошел отдельной главой в его первую книгу «Превыше методизма» (1926). Во второй своей книге «Святой методистов» (1927) Осбери подверг острой критике ханжескую нетерпимость, прочно укоренившуюся в американском обществе. Любопытно, что центральной фигурой памфлета стал один из давних предков самого автора, Фрэнсис Осбери, первый епископ Американской методистской церкви.

Эти две книги положили начало 16-томному циклу, который Герберт Осбери написал за последующую четверть века. И хотя в них освещались и такие темы, как поведение барме-

¹ Позже «Жемчужина прерий» переименована в «Банды Чикаго». (Примеч. ред.)

нов после отмены сухого закона, а также история первого нефтяного бума, главным оставался поиск ответа на вопрос: каким образом общество, с самого начала провозгласившее своей целью пуританскую нравственность, допустило безудержный рост игорного бизнеса, проституции, нелегальной торговли спиртными напитками и других социальных преступлений. В двух произведениях этого цикла, «Бремя нации» (1929) и «Великая иллюзия» (1950), критикуется бессмысленная антиалкогольная кампания; а в «Карьере молокососа» (1938) представлена документальная история первых лет развития в США игорного бизнеса. Однако наибольшую известность Осбери завоевал своими работами по изучению преступного мира четырех крупных городов: Сан-Франциско («Варварский берег», 1933), Нью-Йорка («Банды Нью-Йорка», 1928), Нового Орлеана («Французский квартал», 1936) и Чикаго («Жемчужина прерий», 1940). В совокупности эти четыре тома представляют содержательный и яркий путеводитель по закоулкам американского городского «дна» начала XX века.

Последнюю из этих книг, «Жемчужина прерий», до сих пор читают и перечитывают по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, эти очерки являются наиболее представительным и правдивым описанием истории Чикаго. Когда Осбери опубликовал их в 1940 году, городское прошлое обычно изображалось с заведомым приукрашиванием и выпячиванием деятельности финансовых, коммерческих и промышленных магнатов. Вся историография строилась, начиная с торговли мехами до Великого пожара 1871 года и поочередного открытия крупных банков, как непрерывная линия экономического восхождения. Однако эти хвалебные хроники имели мало общего с суровой реальностью и не отражали таких жгучих вопросов, как сложные этнические взаимоотношения, борьба с нуждой и голодом, изменения в характере труда и особенно рост преступности. Первое академическое описание истории Чикаго, которое составила Бесси Луиза Пирс, появилось лишь в начале 1940-х годов; но даже эта работа затрагивала преимущественно экономические вопросы и лишь несколько страниц отводила истории городской преступности. Попытка взглянуть на Чикаго глазами обычных горожан и описать события, выпавшие из поля зрения авторов хвастливых панегириков, была предпринята в книге «Чикаго: история репутации», написанной двумя местными журналистами, Ллойдом Льюисом и Генри Джастином Смитом. Именно эти очерки и побудили Осбери дать более подробное, достоверное и занимательное описание теневой стороны жизни Чикаго в первое столетие его существования.

Помимо этого, в «Жемчужине прерий» даны выразительные зарисовки главных героев, надолго закрепивших за Чикаго славу столицы американской преступности. Пожалуй, ни один другой город США не потрудились так здорово над своим негативным имиджем. Население приграничных городов и поселков, возникших в 1830 – 1840-х годах – в разгар освоения Дикого Запада, – составляли преимущественно молодые мужчины, жизнь которых заполняли азартные игры, проститутки и физическое насилие. По мере развития Чикаго воспринимался со стороны как символ прорыва в индустриальное будущее, а его негативный образ подкреплялся ужасающей нищетой, социальными конфликтами и терпимостью к так называемым «преступлениям без человеческих жертв». Аль Капоне и его подручные всего лишь заострили проблему, которая назревала на протяжении всего предшествующего столетия. Чикагцы с удовольствием воспринимали возникший вокруг них ореол мужественности и силы, а каждое новое поколение обитателей Восточного побережья постоянно вносило новые штрихи и дополнения в этот мифологический образ.

«Жемчужина прерий» рассказывает скорее об отдельных личностях, чем о событиях. В отличие от официальной историографии, замалчивающей имена и характеры конкретных преступников, Осбери выдвигает лидеров криминального подполья на передний план. Он был убежден, что их ум и изобретательность заслуживают признания в не меньшей степени, чем достижения финансовых и промышленных воротил. И если один этаж исторического пантеона по праву населяли такие фигуры, как Филд, Пульман и Армор, такого же признания заслужи-

вали и Роджер Планта, Микки Финна, Большой Джима О'Лири, Майка Макдональда, разработавшие и провернувшие немало оригинальных идей, за что приобрели широкую известность в Чикаго и за его пределами. Так, по мнению Осбери, Джонни Торрио был гениальным организатором, сумевшим превратить нелегальную торговлю спиртным – бутлегерство – в высокодоходный бизнес, а другой чикагский головорез, Аль Капоне, от примитивного силового бандитизма перешел к проведению изобретательных и расчетливых операций.

Подбор героев книги во многом определялся характером тех информационных источников, которыми пользовался Осбери по ходу работы над ней. Он не только скрупулезно изучил автобиографические воспоминания мэра города Вентворта по прозвищу Длинный Джон и полицейского следователя Клифтона Вулдриджа, но и уголовные архивы, к которым он получил доступ благодаря своему журналистскому авторитету и известности. Это было важным преимуществом, поскольку тематических указателей газетных публикаций в то время попросту не существовало.

«Жемчужина прерий» не могла быть написана без обращения к газетным материалам, но именно это обстоятельство и вызывало определенные трудности. Помимо ошибок и неточностей небрежных репортеров, Осбери постоянно сталкивался с проблемой раздувания сенсаций. Как известно, «горячие» новости хорошо повышают тиражи. Помещая самые заурядные сообщения на первую полосу, необоснованно связывая между собой подчас абсолютно независимые преступления и сопровождая все это броскими заголовками, намекающими на тайные источники информации, издатели создавали атмосферу невероятного разгула преступности и повсеместной коррупции. Трактовка того или иного события часто зависела от того, насколько близко к вершинам власти находились герои этих статей. После окончания Гражданской войны в газете «Трибюн» было высказано мнение, что эта война породила новый тип журналистов, энергия которых в мирное время направлена на поиски и расследование городских преступлений. В результате, хотя реальный уровень преступности и коррупции практически не менялся, целенаправленные усилия газетчиков создавали впечатление, что эти явления захлестнули всю страну. Более того, пресса акцентировала свое внимание скорее на деятельности отдельных личностей, чем на анализе самих явлений и соответствующих выводах. В качестве фактора, призванного уравновесить возникший перекося в оценке событий, следует отметить беспощадную критику малейших неточностей в статьях конкурирующих изданий, чтобы перетянуть их читательскую аудиторию на свою сторону. Такое острое соперничество в среде чикагских газетчиков приводило к тому, что они изо всех сил – нередко проявляя недюжинные творческие способности – старались докопаться до мельчайших подробностей.

Другая важная проблема, связанная с написанием «Жемчужины прерий», коренится в биографическом подходе Осбери к теме своего исследования. Обычно, когда история строится на действиях группы индивидуумов, она разбивается на отдельные эпизоды и дается вне исторического контекста. Новаторский подход Осбери заключался в том, что он учел в обобщенном виде все социальные изменения – в промышленности, иммиграции, средствах информации и связи и др. Таким образом, хотя книга имеет несомненную привлекательность для массового читателя, она представляет интерес и для историков, поскольку содержит массу достоверных подробностей, позволяющих лучше понять описываемую эпоху и события.

Сведения, приведенные в «Жемчужине прерий», охватывают сразу несколько важных областей. Одна из них – роль Чикаго в качестве общенационального перекрестка. Изначально такая роль выпала на долю города из-за его географического положения – он расположен в самом конце водного пути с Восточного побережья на Запад; но по мере бурного развития железнодорожного сообщения за последние три десятилетия XIX века доля постоянных городских жителей по сравнению с числом транзитных пассажиров резко увеличилась. Тем не менее город по-прежнему заполняли десятки тысяч гостей – транзитных пассажиров; отпускников; фермеров, приехавших продать свиней и пшеницу; моряков и т. д. В результате такого скопле-

ния приезжих в городе сформировались и процветали свои особые виды преступлений. Среди бесконечных людских толп, постоянно заполнявших улицы Чикаго, нагло орудовали стаи карманников, уверенные, что приезжие их просто не заметят. Зловещего вида извозчики и таксисты непрерывно развозили прибывавших простаков по закоулкам большого города: иммигрантов – в гостиничные притоны, молодых женщин – к содержателям публичных домов, а обеспеченных с виду господ – на растерзание городских воров. Процветающий гостиничный бизнес открывал прекрасные возможности для жуликов и мошенников всех мастей, которыми буквально кишели вестибюли, бары, рестораны и парикмахерские. Подавляющую часть приезжих составляли одинокие мужчины, чей главный интерес составляли азартные игры, проститутки, многочисленные кабаре, массажные салоны и другие злачные места, рассчитанные на мужчин, оставивших жен и детей в каком-нибудь заброшенном поселке.

Более того, роль географического перекрестка способствовала формированию у Чикаго особого образа. Еще в 1859 года такие книги, как «Фокусы и ловушки, ожидающие вас в Чикаго» или «Чикаго после захода солнца», советовали путешественникам держаться подальше от местных жителей, особенно тех из них, кто пытается выдать себя за друзей. Известный предприниматель Монтгомери Уорд, опасавшийся за имущество и состояние своих клиентов, предостерегал фермеров от бесед с незнакомцами и убеждал их напрямую обращаться в представительства его компании. Многие путешественники, проезжавшие через город, покупали здесь местные газеты и привозили их домой, где прочитывали от корки до корки, знакомясь с подробностями повседневной жизни Чикаго – со всеми его преступлениями и пороками. Даже когда в самом начале XX века чикагцы предприняли энергичную попытку покончить с белым рабством и проституцией, этот «крестовый поход» еще больше закрепил за городом репутацию крупнейшего рассадника порока. Формирование в Чикаго крупного железнодорожного узла способствовало резкому увеличению армии путан и, как следствие, принятию специального федерального закона, так называемого «акта Манна». Между тем усилия самого города очиститься от организованного зла привели к еще большему раздуванию его скандальной известности – даже по сравнению с Нью-Йорком. В сельской провинции у книжных разносчиков легко было приобрести такое занимательное чтиво, как «Черная Дыра», «Темные уголки Чикаго» и «От танцевального зала к торговле белыми людьми», которое представляло собой пересказ параграфов из отчетов Чикагского комитета по вопросам нравственности под названием «Социальные пороки Чикаго». В результате у огромного числа читателей, которые никогда не бывали в самом городе, невольно формировалось резко негативное впечатление о Чикаго.

В книге Осбери представлена и география распространения порока в пределах города. Автор описывает расцвет и падение таких районов, как Пески, Пятачок Конли или Прибрежный. Ясно, что в середине XIX века общественность сильно противилась развитию игорного бизнеса и проституции вблизи делового центра. Это могло не только сильно подпортить представление гостей о городе, но угрожало покою и благополучию представителей высшего класса, проживавших в домах южнее центра города вдоль Мичиган-авеню. Причиной вытеснения злачных заведений в окраинные районы типа Песков или Пятачка, населенных преимущественно выходцами из Ирландии, или Прибрежного, который соседствовал с негритянскими окраинами, служили также этнические и расовые предрассудки. В целом процесс протекал стихийно и вне рамок официальной политики, представляя некий географический компромисс между той частью общества, которая активно выступала против распространения порока, и теми, кто считал это явление неизбежным. В результате злачные заведения не были полностью запрещены, но сконцентрировались в ограниченных регионах, где их вредоносное влияние на остальную часть города удавалось хоть как-то контролировать.

Наряду с искусственным выдавливанием локализованного порока в определенные районы происходила экономическая централизация преступного бизнеса. Окруженные постоянно

расширяющейся городской застройкой Прибрежный район и Игорный Ряд на Кларк-стрит составляли лишь два из целой серии кварталов, в которых наряду с многочисленными складскими помещениями располагались культурные заведения, театры, универмаги, биржи ценных бумаг и банки. Помимо этого, к Прибрежному району примыкало несколько железнодорожных станций, а Игорный Ряд соседствовал с финансовыми учреждениями. По рабочим дням последний квартал посещало немало весьма обеспеченных горожан. По этой причине критики отмечали, что между спекуляциями на бирже и колесом рулетки существует много общего.

Территориальное распределение злачных заведений внутри города связано с третьей темой, затронутой в «Жемчужине прерий»: концентрация незаконного бизнеса в определенных местах способствовала возникновению самых первых форм организованной преступности, действительное значение которой намного выше, чем появление блестящих криминальных авторитетов, которых сам Осбери выдвигает на первый план. Как справедливо отмечают современные историки, появление в середине XIX века более сложных азартных игр способствовало укреплению партнерства с тем, чтобы избежать больших потерь в условиях резко возросшего денежного оборота игорных домов. Такая тенденция привела к возникновению прочных связей между профессиональными игроками, полицией и чиновниками, которые контролировали эту сферу. Точно так же увеличение размеров и пышности борделей закономерно вызывало пристальное внимание властей. Организаторы таких видов нелегального бизнеса предпочитали размещать свои притоны вблизи друг от друга, образуя своего рода колонии, чем успешно пользовались в своих корыстных целях известные городские политики – например, окружной лидер демократов Майк Макдональд, а также члены городского совета, Джон Кафлин по прозвищу Банщик и Майк Кенна, больше известный как Прыщ, – быстро набиравшие не только финансовый, но и политический капитал.

Эсбери приводит документальные факты заката эпохи индивидуального преступного бизнеса, не раскрывая широкого спектра причин, стоящих за этим явлением. Острый экономический кризис 1890-х годов положил конец относительной финансовой стабильности, особенно сказавшись на положении игорных заведений и самих игроков. Рухнувшая карьера Майка Макдональда и убийство мэра Картера Харрисона внесли элемент непредсказуемости в партнерство игорного бизнеса. Решительные выступления общественности против разгула преступности, в частности обличительный памфлет Уильяма Т. Стида «Если бы Христос явился в Чикаго!», побудили ведущих предпринимателей создать Гражданскую федерацию, призванную стать городским штабом борьбы с правонарушениями. И вовсе не случайно, что первой успешной операцией этой Федерации стала именно ликвидация Игорного Ряда. Ведь этот район примыкал непосредственно к финансовому центру города, откуда затягивал в свои сети толпы молодых банковских клерков, чье участие в азартных играх подрывало авторитет уважаемых компаний, толкая неудачливых игроков на прямое казнокрадство – чтобы оплатить карточные долги – и на рискованные финансовые операции. Мало-помалу Игорный Ряд, занимавший два квартала вдоль Кларк-стрит к северу от Мэдисон, оказался в самом сердце деловых кварталов и буквально вплотную с городским управлением, что вызывало сильное недовольство официальных ревнителей нравственности и порядка.

Другой причиной рассредоточения игорного бизнеса, которая отчасти затронута и в «Жемчужине прерий», были новые способы связи. Появление телефона и телеграфа позволило делать ставки на скачках из достаточно удаленных от таких соревнований уголков, например, со старого речного парохода «Город на воде», на котором разместились одна из первых чикагских радиостанций. Не сходя с корабля, игроки могли делать ставки на выбранных лошадей, оставаясь при этом в безопасных, комфортных условиях и вне досягаемости полиции. Таким образом, электронные технологии запустили в действие новые формы азартных игр, контролировать которые было много труднее, чем просторные залы в районе Кларк-стрит, заставленные карточными столами и рулетками.

Столь же сильно новые технологии сказались и на судьбе Прибрежного района. Осбери дает яркую хронологическую картину расцвета и крушения этого крупного центра игорного бизнеса, показывая роль таких ярых ревнителей порядка, как евангелистский пастор Цыган Смит, окружной прокурор Джон Вэйман и мэр Картер Харрисон-младший, приложивших много сил и энергии для уничтожения этого крупного рассадника порока. Однако к 1912 году Прибрежный район и без того утратил свой неофициальный статус криминального центра. Телефонная связь и автомобильное сообщение способствовали распространению организованной преступности по всему городу и за его пределами. Быстрое развитие частной телефонной сети вызвало появление так называемых «квартир по вызову» – целой сети небольших публичных домов, рассредоточенных в пригородах Чикаго, которые могли легко связаться с барами, ресторанами и таксистами, доставлявшими туда клиентов. В результате автомобилизации действия преступников стали намного более быстрыми и анонимными, а с появлением пуленепробиваемых дверей резко расширился радиус операций. Трудно представить Аль Капоне выходящим с автоматом в руках из конного экипажа или трамвая.

Упадок Прибрежного района отражал общую тенденцию, которую отмечает в своей книге Осбери, – снижение уровня терпимости к публичным формам порока. За первые два десятилетия XX века атмосфера в городе не стала более нравственной, однако появились официальные запреты на такие откровенные атрибуты злочного бизнеса, как открытая уличная проституция, красные фонари над входом, демонстрация полуголых красоток в уличных витринах и брошюры циничного содержания. При этом существовало прочное убеждение, что частный бизнес это собственное дело самих предпринимателей, и лишь то, что происходит публично, касается всех членов общества. Это широко распространенное мнение быстро открыло путь незаконной торговле спиртным и появлению огромных доходов от его продажи.

Изменения, вызванные техническим прогрессом, вызвали крупномасштабную реорганизацию преступного мира. Удаление из Прибрежного района большинства злочных заведений привело к резкому ослаблению власти и влияния таких крупных политических фигур, как уже упоминавшиеся Банщик Джон Кафлин и Майк Кенна. В значительной степени это было вызвано тем, что автономный характер системы городского управления в Чикаго не позволял чиновникам выходить за пределы своего округа. Осбери справедливо замечает, что именно в этот период на развалинах старых преступных сообществ стали быстро формироваться новые бандитские группировки, а лидерство от ирландцев перешло к итальянцам. От одного из первых авторитетов нового периода Колоссимо по кличке Большой Джим эстафета перешла к его наследнику и протеже Джонни Торрио. Постепенно из юных карманников, квартирных воров и уличных грабителей формировались новые организованные объединения, строившиеся на принципе этнической вражды и стремившиеся установить власть над определенной территорией. Начиная с Первой мировой войны привычным делом стало широкое использование бандитами огнестрельного оружия, а горячность и безрассудство молодых гангстеров способствовали еще большему усилению кровопролитий.

Свою «Жемчужину прерий» Осбери обоснованно закончил эпизодом ареста Аль Капоне за неуплату налогов в 1931 году; на этом его эпоха подошла к концу, а Великая депрессия положила конец периоду общественного оптимизма. После того как с исторической сцены ушли такие фигуры, как Торрио, Капоне и Моран, Осбери ощутил ограниченность своего сугубо биографического подхода к теме. Для описания новой эпохи требовался другой подход. «Криминальное обозрение Иллинойса», к которому Осбери отсылает читателей, желающих подробнее ознакомиться с событиями 1920-х годов, также построено преимущественно на газетных сообщениях; однако этот сборник затрагивает более широкий круг вопросов, касающихся самих причин, подоплеку событий и взаимосвязи организованной преступности с несовершенством системы правосудия.

Несмотря на расхождение с современными взглядами на проблему, «Жемчужина прерий» представляет ценный вклад в литературу по этому вопросу. Для профессионального историка это произведение интересно тем, что оно наполнено массой полезных подробностей, которые могут послужить основой для новых идей и теорий. В качестве яркого документа своего времени книга в полной мере отражает отношение современников тех событий к городам, подобным Чикаго, как к «ужасному ребенку». Атмосфера насилия, заполнившая «город театров», выразительно передана в многочисленных гангстерских кинотриллерах и детективах, заполонивших в 1930-х годов все американские журналы. В этой книге Осбери подробно рассказывает, как сформировалось преступное «дно» города. «Жемчужина прерий» дает представительный срез большого периода жизни одного из важнейших центров американской истории, написанный живым и выразительным языком.

Перри Р. Дуис

Глава 1

БАРАЧНЫЙ ПОСЕЛОК

1

Большинство крупных американских городов основаны командами искателей приключений и первопроходцев, выбиравшими подходящие для поселения места и действовавшими по более или менее продуманным планам. Однако в случае Чикаго никакого плана не существовало, поскольку то географическое место, где упрямое человечество возвело второй по величине в Западном полушарии мегаполис, ничем особым не привлекало первых колонистов. Местность по обеим берегам реки Чикаго была очень низменная и сырая, состоящая из болот и трясин (именно здесь теперь размещается городской деловой центр, знаменитый район Луп) и всего на десяток сантиметров выше уровня соседнего озера Мичиган, регулярно затапливавшего окрестности на несколько месяцев в году. Русло реки постоянно заносил песок, поэтому передвигаться по мелководью можно было только на каноэ или небольших гребных лодках; к тому же почти все оно, за исключением узкой протоки, заросло диким рисом, а берега покрывали зловонные кусты дикого чеснока, где в обилии водились агрессивные хорьки и скунсы. На языке местных индейцев река и прибрежная растительность назывались «Чикагау», или «Чекагау», откуда и возникло имя самого города, Чикаго. У аборигенов это слово означало дурной запах, вонь. Любопытно, что в этом же смысле его нередко употребляли политики и торговцы скотом.

2

Фактически на месте современного Чикаго вначале возникло сразу два поселения. Одно из них появилось на пересечении северного и южного притоков реки Чикаго, и называлось Развилка или Волчий Угол. Именно здесь в 1779 году построил хижину беглый негр из Санто-Доминго, которого звали Батист де Сабль. Начало второму поселку, названному Хардскрэбл и расположенному в 6 километрах южнее Развилки, положил некий Чарльз Ли, расчистивший там в 1803 году место для своей фермы. Благодаря соседству с укрепленным фортом Дирборн, возведенным летом – осенью 1803 года на южном берегу реки – недалеко от того места, где теперь находится мост Мичиган-авеню, Развилка застраивалась значительно интенсивнее, чем Хардскрэбл. Во многом расширению поселка способствовала активная предпринимательская деятельность Джона Кинзи, занимавшегося изготовлением серебряных изделий и торговлей с индейцами. Вначале он успешно занимался бизнесом в Детройте и в районе реки Святого Иосифа, а весной 1804 года прибыл в Чикаго, где купил дом де Сабля, а вместе с ним земельный участок, принадлежавший франкоканадцу ле Мэю, который владел им с 1796 года. К моменту появления Кинзи в Развилке поселились три-четыре других торговца. Имя одного из них, Энтони Куильмета, в измененном виде осталось в названии городка на северном берегу озера Мичиган, Уильмет.

Именно Кинзи стал подлинным основателем Чикаго – его всесторонняя активность превратила поселение в один из наиболее оживленных пунктов торговли на всем северо-западе, а он стал первым поселенцем, который начал строить не просто грубо сложенные бревенчатые хижины, а довольно изящные здания. Свою хибару он превратил в просторный и, по тем понятиям, роскошный дом. В исторической повести «Вау-бан, или На заре северо-запада» невестка Кинзи описывает этот дом как «длинное, приземистое строение с огромной верандой перед фасадом, состоявшее из четырех или пяти просторных комнат. Между домом и рекой простиралась зеленая лужайка, затененная мощными ломбардийскими тополями. Позади дома высились два огромных хлопковых дерева. К северу от главной усадьбы был разбит прекрасный и ухоженный фруктовый сад, а вокруг были рассыпаны многочисленные строения – маслобойня, пекарня, дома для гостей и конюшни»². В 1812 году, когда индейцы подожгли форт, убив двадцать шесть солдат, двух женщин, двенадцать детей, а также двенадцать охотников и поселенцев, составлявших местную милицию, и среди них капитана Билли Уэллса³ – знаменитого борца с индейцами, семья Кинзи бежала из своего поместья. Благодаря авторитету, которым Кинзи пользовался среди индейцев, его дом остался цел, и в 1816 году – после восстановления форта Дирборн – он снова вернулся в Чикаго. Примерно в то же время там появился еще один известный поселенец – Жан Батист Бебьен, которого иногда называли Мужем Индианки и который на протяжении нескольких лет активно занимался челночной торговлей в районе Грин-Бэй и Милуоки. В истории Чикаго Бебьен упоминается как организатор и президент первого в Чикаго кредитного общества, командующий первым окружным подразделением милиции и отец двадцати детей, большей частью метисов. Его брат, Жюль Марк Бебьен, у которого детей было втрое больше, стал первым чикагским паромщиком, хозяином таверны и известным в городе скрипачом.

² Этот дом был украшением всего поселка до смерти Кинзи в 1828 году, после чего имение быстро пришло в упадок и окончательно заброшено в 1833 году. Большая часть бревен от постройки была использована индейцами для костра.

³ В честь него в Чикаго названа улица, Уэллс-стрит.

3

В 1814 году президент США Джеймс Мэдисон обратился в Конгресс с предложением выделить средства на строительство судоходного канала, соединяющего озеро Мичиган через реки Чикаго и Иллинойс (впадающую дальше в Миссури) с Миссисипи – главной водной североамериканской артерией. Хотя предложение Мэдисона было отклонено, как неосуществимое, однако чертежи проекта остались в архиве Конгресса, и к ним вернулись тринадцать лет спустя в основном благодаря усилиям Натана Поупа, конгрессмена от штата Иллинойс, которому удалось «вытащить» Чикаго из штата Висконсин, когда Иллинойс был признан отдельным членом Конфедерации в 1818 году. Заметный вклад в продвижение этого проекта внес и член палаты представителей Дэниэл Кук, в честь которого позднее был назван одноименный округ. В результате в 1827 году Конгресс санкционировал строительство нового канала, отдав в распоряжение штата Иллинойс дополнительные земли в девятикилометровой зоне по обоим берегам намеченного водного пути. Два года спустя была образована совместная комиссия представителей штатов Иллинойс и Мичиган, которая занялась финансовыми и техническими вопросами строительства канала, выбором маршрута, перенесением городов и строительством новых поселений.

В рамках финансирования проекта в 1833 году Конгресс выделил 25 тысяч долларов на строительство соответствующего порта на реке Чикаго. Сами работы начались лишь в июле того же года; небольшая задержка была вызвана конфликтом между Стефаном А. Дугласом, которого иллинойские политики окрестили Малым Гигантом, и Джефферсоном Дэвисом, в ту пору молодым армейским офицером. Дуглас настаивал на строительстве порта в устье реки Калумет, в 22 километрах южнее Чикаго, а Дэвис предлагал более логичный и практичный план устройства порта в устье самой реки Чикаго. В конце концов был принят проект Дэвиса, и весной 1834 года по обоим берегам канала, надежно соединившего озеро с рекой, появились две 150-метровые пристани. Сама природа помогла строителям: благодаря временному паводку 11 июля 1834 года в реку Чикаго вошло первое крупное судно, парусная шхуна «Иллинойс», триумфально пришвартовавшись в порту.

Затем работы по строительству канала были отложены до 1836 года. Члены же комиссии в это время вплотную занялись другими неотложными задачами. Еще не высохли чернила на разрешении о строительстве Чикагского порта, как геодезисту Джеймсу Томпсону было поручено немедленно приступить к составлению плана городской застройки и разметке отведенной территории. Эти работы были завершены 4 августа 1830 года, и вскоре после этого началась продажа земельных участков с аукциона – участки величиной 24x30 м продавались по цене от 40 до 70 долларов. Карта Томпсона, первая карта Чикаго, включала территорию размером около 1/5 квадратного километра, ограниченную современными улицами Мэдисон, Десплейнс, Кинзи и Стейт. Сюда же входил поселок Развилка, однако Хардскрэбл еще несколько лет оставался отдельным поселением. Таковы были первоначальные границы Чикаго как города, когда 10 августа 1833 года двадцатью восемью голосами был избран попечительский совет, уполномоченный «бороться с нарушениями общественного порядка, азартными играми и хулиганством; наказывать водителей за превышение скорости и регулировать движение силами полицейских; выдавать лицензии на представления, следить за порядком в общественных местах, на дорогах и улицах города; защищать город от пожаров». Уже 6 ноября 1833 года, когда население Чикаго выросло до ста пятидесяти человек, попечительский совет принял решение раздвинуть границы города до Джексон-стрит на юге, Джефферсон- и Кук-стрит на западе и Огайо-стрит на севере. Восточной границей остался участок Стейт-стрит между рекой Чикаго и Джексон-стрит; севернее русла реки городская граница тянулась в северо-западном направлении до озера Мичиган. В 1835 году власти штата Иллинойс закрепили за городом земли восточнее

Стейт-стрит, кроме узкой полоски между Мэдисон-стрит и рекой Чикаго, которую федеральное правительство оставило для нужд военных. Однако и этот участок – после того, как 29 декабря 1836 года армия покинула форт Дирборн, – вошел в состав Чикаго.

4

В 1831 году, через год после составления Джоном Томпсоном первого плана застройки, Чикаго был выведен из состава округа Пеория, куда он входил с 1825 года, и стал частью нового округа Кук, который в то время включал не только современную территорию, но и земли теперешних округов Уилл, Мак-Генри и Дю-Паж. Округом управлял окружной суд уполномоченных, две трети которого составляли жители Чикаго. На первом заседании суда, состоявшемся 13 апреля 1831 года, был введен первый окружной налог в размере полпроцента от стоимости «земельных участков; пассажирских и грузовых средств перевозки; винокуренных аппаратов; всех лошадей, ослов и крупного рогатого скота старше трех лет; часов всех типов». Кроме того, на своем первом заседании суд постановил приобрести за 65 долларов у одного из уполномоченных, Сэмюэля Миллера, шаланду для организации паромной переправы через реку Чикаго, права на которую купил Марк Бебьен за пятьдесят долларов ежегодной платы. При этом все жители округа Кук «вместе с их средствами передвижения» получали право на бесплатное пользование паромом; остальные платили за перевоз согласно расценкам, которые установил суд. За семь долларов в год получил официальное разрешение на содержание собственной таверны Элия Вентворт. А Сэмюэль Миллер и Рассел Хикок за пять долларов. В то время Хикок жил в полутора километрах к югу от Хардскрэббла, однако не прошло и года, как он перебрался в город, где стал первым городским адвокатом и мировым судьей. Владельцы таверн обязались придерживаться приведенных ниже цен на товары и услуги (в центах):

Полпинты рома, вина или бренди	25
Одна пинта	37,5
Полпинты джина	18,75
Пинта джина	31,25
Четверть пинты виски	06,25
Полпинты виски	12,5
Пинта виски	18,75
Завтрак или ужин	25
Обед	37,5
Порция лошадиного корма	25
Ночевка лошади	50
Ночевка одного человека	12,5
Пинта сидра или пива	06,25
Кварта (две пинты) сидра или пива	12,5

Таверна Миллера вместе с небольшой торговой лавкой размещалась на восточном берегу реки Чикаго, в районе Развилки, где Сэмюэль с братом поселились в 1829 году. Однако прожил он там всего два-три года и после смерти жены в 1832 году покинул город. После его отъезда дом использовался только для жилья. Вентворт, разместившийся напротив таверны Миллера на западном берегу реки, открыл первую в городе гостиницу, первоначально состоявшую всего из одной комнаты с грубо оштукатуренными стенами. Эту таверну, открытую 8 декабря 1828 года, построили Арчибальд Колдуэлл и сын Джона Кинзи, Джеймс, а лицензию на ее открытие выдали власти округа Пеория. За два года к зданию было пристроено еще несколько комнат, а в 1830 году Колдуэлл, продав свою долю Кинзи-младшему, уехал в Грин-Бэй. Он был убежден,

что у Чикаго нет особых перспектив, и первенство на всем северо-западе будет принадлежать Висконсину.

Элия Вентворт, больше известный под кличкой Старый Джиз – из-за своей любимой присказки⁴, прибыл в Чикаго поздней осенью 1829 года с женой и тремя детьми, тремя парами быков и двумя крытыми повозками с пожитками. Он направлялся в свой старый дом в Майне, но зима застигла его в Чикаго. Ранние снегопады перекрыли все дороги, а лодку для продолжения пути ему найти не удалось. Как раз к этому времени Колдуэлл перебрался в Грин-Бэй, и Старый Джиз арендовал у Джеймса Кинзи освободившуюся гостиницу за триста долларов в год. Во времена Колдуэлла таверна и гостиница назывались «Развилка», но Старый Джиз изменил название на «Волк» после того, как к нему в мясную лавку забрался опасный хищник, которого он зарубил топором⁵. В 1831 году Старый Джиз перепродал права на таверну Чарльзу Тейлору, который через полгода передал ее Вильяму Уоттлсу. Пока таверна принадлежала Уоттлсу, на дверях еще висела грубая вывеска с изображением волка, однако ее убрали, как только заведение перешло в руки Честера Ингерсолла, который купил таверну в ноябре 1833 года и переименовал ее в «Приют путника». Ингерсолл распоряжался таверной около года, в течение которого она еще раз поменяла название на «Западный театральный салун». По мнению историка А.Т. Андерсена, к 1834 году таверна перестала служить гостиницей, однако Эдвин О. Гейл в книге «Ранние страницы истории Чикаго и его окрестностей» пишет, что дом продолжал выполнять прежние функции, а вывеска с названием «волчьей» таверны по-прежнему висела на входе, когда он посетил город в мае 1835 года.

Самыми известными среди первых гостиниц Чикаго были «Зеленое дерево» и «Сога-наш», причем обе располагались в районе Развилки около дороги, мощенной дубовым брусом, которая в дальнейшем получила название Лэйк-стрит. «Зеленое дерево» было построено в 1833 году Джеймсом Кинзи, но открылось в том же году уже под управлением Дэвида Клока. В первые годы эта гостиница представляла собой довольно унылое пристанище. В спальнях, по мнению постояльцев, «всегда было слишком много грязи, особенно для людей, не привыкших к таким антисанитарным условиям». Эдвин О. Гейл так описывает свои впечатления от «Зеленого дерева», где он останавливался в 1835 году:

«Восточную и западную стены здания – выбеленные временем и производившие впечатление доисторических – подпирали невероятно громоздкие скамьи. По всему залу в беспорядке расставлены разнокалиберные деревянные стулья. На северном конце размещалась стойка бара, которая служила не только для выпивки, но и для выдачи посетителям их зонтиков, пальто и свертков. На одном краю стойки красовалась коробка из-под сигар, заполненная скисшими чернилами, а рядом с ней торчали два гусиных пера, засунутые в гильзу 8-го калибра – стальные перья здесь отсутствовали, хотя были изобретены еще в 1830 году... На другом конце бара горело с десятков разнокалиберных сальных свечей, воткнутых в небольшие деревянные чурбаки с просверленными в них отверстиями, которые были прибиты к стене ржавыми гвоздями. Эти оплывшие огарки, источавшие слабый, мерцающий свет, напоминали плакальщики на похоронах.

⁴ By Geese! (англ.) – Ей-богу! (Примеч. пер.)

⁵ Некоторые чикагские историки утверждают, что район Развилка получил название Волчий Угол лишь после того, как Вентворт дал таверне новое название. Однако на самом деле это место получило такое имя намного раньше – по имени индейского вождя, которое в переводе на английский язык означало Волк.

Чикаго в 1833 году

Чтобы не разносить грязь по всему дому, верхняя одежда и кожаные башмаки посетителей, собиравшихся здесь переночевать, размещалась вдоль одной из стен. Под стойкой виднелся большой деревянный ящик для чистки обуви, в котором было две раздолбанные сапожные щетки и несколько кусков застывшего сала, давно почерневшего от употребления. По углам мерцало несколько старинных керосиновых фонарей, изготовленных из оловянных перфорированных пластин. Имелся также непрременный трут с огнивом, который использовался не менее полусотни раз на дню для разжигания трубок, когда ржавая кухонная плита отправлялась на летние каникулы. Над ящиком с трутом висели старомодные настенные часы с корпусом из вишневого дерева...

Чрезвычайно примитивные туалетные принадлежности состояли из оловянных тазиков для умывания, грязных полотенец, крошечных зеркал и беззубых расчесок. Позади раковины для умывания стояло несколько площадок с мягким мылом. Хотя новичку такое обилие мыла могло показаться излишним, однако после чистки сапог или смазки вагонных осей дегтем это средство гигиены уходило в больших количествах.

Посреди зала в низком и заполненном песком ящике громоздилась печь, которая использовалась не только для обогрева, но и для кипячения воды... На ужин хозяин созывал всех с помощью большого колокола, и его оглушающий сигнал не вызывал у гостей никаких сомнений по поводу цели приглашения. В столовой размещались два длинных обеденных стола, покрытые засаленными зелеными скатертями. К столу подавали блюда с жареной дикой уткой, курицей в соусе и пирогами с начинкой из мяса диких голубей. Чай и кофе были без молока, но сладкие – с добавлением кленового сахара, который поставляли местные индейцы. Такое «роскошное» завершение банкета заставляло клиентов немного забыть о дешевой и грубой еде, надоедливо жужжащих мухах, комарах и ползающих по столу тараканам...»

Под разными вывесками – включая «Чикаго», «Станция», «Атлантик» и «Дом на Вест-Лэйк-стрит» – эта таверна служила гостиницей вплоть до 1859 года, когда ее превратили в доходный дом. В 1880 году это здание числилось по адресу Милуоки-авеню, дома № 33 – 37 и еще много лет было символом старого Чикаго.

Гостиницу «Соганаш», первое каменное двухэтажное здание в Чикаго, возвел в начале 1831 года Марк Бебьен, пристроив его к своей однокомнатной бревенчатой лачуге, где он про-

живал с декабря 1826 года. Свое название гостиница получила в честь индейского вождя, который в официальных документах числился как Билли Колдуэлл. За исключением короткого периода осенью 1837 года, когда Гарри Айшервуд и Александр Маккензи отдали таверну под спектакли первого чикагского театра, проведя успешный шестинедельный сезон, «Соганаш» оставалась гостиницей вплоть до пожара 4 марта 1851 года, во время которого она полностью выгорела. Именно на этом месте, углу Лэйк– и Маркет-стрит, позднее был возведен «Республиканский вигвам», в котором Авраам Линкольн был провозглашен президентом 16 мая 1860 года.

Условия в «Соганаш» были немногим лучше, чем в «Зеленом дереве», а в некотором смысле много хуже. Патрик Ширрефф, фермер-шотландец, посетивший Чикаго в 1833 году, писал, что в таверне Бебьена «царили невероятная грязь и беспорядок». Английский путешественник и писатель Чарльз Джозеф Латроб, также побывавший в Чикаго в 1833 году, описывает «Соганаш» как «отвратительный двухэтажный барак», в котором «отчетливо проявлялись самые мерзкие явления американской действительности – разврат и бандитизм. А предлагаемая посетителям еда была столь отвратительна, что мы не смогли к ней притронуться, даже несмотря на сильный голод. Похоже, самого владельца эти проблемы абсолютно не заботили, хотя жирная и насквозь пропахшая дымом фигура управляющего непрерывно мелькала по всему зданию с утра до вечера». Коренастый француз «с красной мордой и тщательно подстриженными баками, одетый в синий фрак с бронзовыми пуговицами», оставался неотъемлемым символом Чикаго на протяжении многих лет. Большую часть времени он объезжал своих лошадей, охотился на уток и другую дичь прямо с парадного крыльца своей таверны или сплетничал с приятелями.

Несмотря на довольно скудные условия и отвратное обслуживание, в первые шесть лет своего существования «Соганаш» снискала себе славу самого роскошного увеселительного заведения на северо-западной границе Штатов и общественного центра Чикаго – это было место ночных танцев, где сам Жюль Марк играл на скрипке, еженедельных встреч по обсуждению проблем городской жизни, публичных балов и других развлечений. Помимо прочего, это было излюбленное горожанами питейное заведение вплоть до лета 1833 года, когда Соломон Линкольн по кличке Степной Сапожник, отказавшись от попытки переодеть загрубевших первопроходцев и охотников в светские европейские костюмы, открыл первый городской салун «Кофейный зал Линкольна» на углу Лэйк– и Ласалль-стрит. Сам Линкольн прослыл известным охотником на волков. Один из старожилов писал в своих воспоминаниях, что «много раз видел, как Линкольн вскакивал на коня, завидев в степи со стороны Бриджпорта серого хищника, и уже через час возвращался с волчьей тушей, перекинутой через седло».

В 1835 году на углу Кинзи– и Раш-стрит группа предпринимателей построила «Лэйк-Хаус», солидный трехэтажный дом из кирпича, с просторным подвальным помещением. «Лэйк-Хаус» стал первой гостиницей в Чикаго, где работал опытный повар-француз, а посетителям предлагалось отпечатанное меню. Однако, несмотря на все эти усовершенствования, особых финансовых успехов это предприятие не принесло. К 1858 году гостиница превратилась в многоквартирный доходный дом.

Два года спустя после завершения строительства «Лэйк-Хаус» Фрэнсис Шерман, начавший свою карьеру в Чикаго со сдачи жилья внаем и отбывший два срока на посту мэра, построил первый «Шерман-Хаус», который до 1844 года носил название «Городской отель». Это была лучшая гостиница на всем северо-западе вплоть до 1850 года, когда Айра и Джеймс Коучи, с 1834 года державшие в Чикаго собственную таверну, на углу Лэйки Дирборн-стрит открыли «Тремон-Хаус» – уже третье гостиничное заведение с таким названием. Высокая – в пять с половиной этажей – и прекрасно меблированная гостиница вначале была известна под именем хозяев, «Коуч Фолли». Тогда лишь немногие жители Чикаго верили, что их город когда-нибудь достаточно разрастется, чтобы позволить себе такое роскошное здание. Однако

в скором времени дерзкие надежды братьев-предпринимателей оправдали себя с лихвой. За последующие двадцать лет «Тремон» дважды достраивалась, и, когда в 1871 году случился знаменитый чикагский пожар, в ней уже насчитывалось три сотни номеров, имелась элегантная «Дамская гостиная» – великолепный ресторан «с невероятно разнообразной и изысканной кухней» и даже «шикарный лифт знаменитой фирмы Атвуда». Главным конкурентом этой гостиницы в то время являлась гостиница «Бриггс-Хаус» на углу Уэллс– и Рэндольф-стрит, где размещалась штаб-квартира Авраама Линкольна, когда он впервые баллотировался на пост президента США. Уильям Бриггс, построивший это здание примерно через год после «Тремон-Хаус», хвастливо заявлял, что это самый большой отель к западу от Аллегейни, притока Огайо. В частности, Бриггс и другие владельцы, управлявшие этой гостиницей, чрезвычайно гордились своим рестораном и роскошно оформленными меню, где встречались самые фантастические блюда, особенно десерты.

5

Известный историк и геолог Уильям Китинг, побывавший в Чикаго в 1823 году в составе изыскательской партии, пишет в своих заметках, что поселок представлял «довольно неприглядное зрелище», а его жители «были невежественными, порочными и неприхотливыми существами, не имевшими понятия об элементарных удобствах». То же самое он вполне мог сказать и десять лет спустя, хотя к тому времени Чикаго уже получил официальный статус города. Почти вся сотня городских строений, которые, по воспоминаниям нью-йоркского адвоката Чарльза Батлера, «имели вид убогих и незамысловатых хибар, мало пригодных для проживания», вытянулась вдоль южного берега реки Чикаго, на участке между озером Мичиган и Развилкой. «По степи на юге были разбросаны жалкие лачуги, – писал историк Чикаго А.Т. Андреас, – а на северном берегу, вокруг старого дома Кинзи и на месте современной Кларк-стрит, виднелось несколько, на вид более крепких, но таких же неказистых и некрашенных домишек. Все вместе... представляло весьма тоскливое зрелище даже для такого занюханного приграничного городка. Над многими крышами не было даже печных труб... Все здания очень приземистые, ни одно из них не насчитывает более двух этажей. Если подъезжать к городу с юга, то сначала появляются дубовые кроны... ровные заливные луга, справа виднеется озеро, а вдоль главного русла реки цепочкой вытянулись стволы деревьев, у подножия которых стелется печной дым из лачуг, размывающий всю картину, и четко выделяется лишь развевающийся над фортом флаг. Одна грунтовая дорога, коричневой полосой выбитая в траве, ведет к воротам форта, а другая – разбитая еще глубже и шире – через степь к Развилке, к процветающей в те дни гостинице «Соганаш».

Большая часть зданий в Чикаго в те дни была сделана из бревен. Остальные же дома, как и те, что возводились в последующие пятнадцать лет, строились по «каркасному принципу» – этот строительный метод впервые появился именно в Чикаго. «По углам будущего строения устанавливали опорные столбы, – писал Уильям Бросс, известный чикагский издатель и историк, – а между ними укладывались одиночные каменные блоки или велась кладка. На этот фундамент горизонтально укладывались брусья или бревна, к которым крепились вертикальные опоры, соединенные, в свою очередь, горизонтальными брусьями. В результате получался опорный каркас с ячейками примерно 1,2 x 1,5 м, который снаружи обшивался досками, а изнутри покрывался дранкой и штукатурился. Оставалось сделать крышу, и дом был готов».

Именно благодаря этой упрощенной строительной технологии Чикаго и получил свое прозвище – Барачный городок, под которым он был известен по всей стране наряду с другим именем – Грязная Дыра в Степи. Надо прямо сказать, что последнее название больше подходило Чикаго в первые годы его истории: клейкая, слизистая грязь, намертво облеплявшая обувь, навсегда оставалась в памяти людей, хоть раз прошедших по его улицам. Тротуаров в те годы практически не было, а вместе с ними и мостовых, поэтому в результате интенсивного движения и частых дождей дороги размывались, превращаясь в настоящие болота, через которые часто было невозможно проехать. Уильям Бросс частенько наблюдал «застрявшие в грязи посреди центральных улиц пустые повозки и телеги». Чарльз Кливер, один из первых чикагских фабрикантов, вспоминает, что на глаза нередко попадались целые караваны, застрявшие в непролазной трясине. «Однажды в огромной грязной луже на Кларк-стрит, – пишет он, – застрял почтовый дилижанс, который не могли вытащить несколько дней, а на его боку повесили доску с предупреждением «Осторожно, дна нет». Обычной картиной были и пешеходы, барахтавшиеся в грязи, а также висевшие тут и там указатели с надписями типа: «Там глубже» или «Самый короткий путь в Китай». Классическим анекдотом времен «непроходимой грязи» является рассказ о местном жителе, который, заметив торчавшие из грязи мужскую голову и плечи, предложил свою помощь. «Нет, спасибо, – ответил тот, – ведь я сижу на лошади».

Лишь в 1849 году на нескольких центральных улицах появилась деревянная мостовая, а кроме того, был проведен эксперимент по спуску сточных вод в озеро, для чего под Лэйк-стрит были уложены канализационные трубы. «Предполагалось, – пишет Уильям Бросс, – что таким способом удастся решить эту санитарную проблему, однако результаты оказались плачевными из-за непереносимой вони». Тогда инженеры предложили городскому совету решить проблему осушения и борьбы с грязью другим путем – поднять уровень всех городских улиц на четыре метра. К осуществлению этого грандиозного плана – который охватывал площадь 500 га, где было необходимо поднять на нужный уровень все здания, – приступили в 1855 году, а закончили к середине 1860-х годов. Но, несмотря на успешную реализацию этого проекта, положение пешеходов в Чикаго по-прежнему оставалось не только затруднительным, но нередко и опасным. «На протяжении десятка лет, – пишет Ллойд Льюис, – тротуары имели странный и даже нелепый вид. С одной стороны улицы пешеходы словно висели над пропастью, оглядываясь на проезжавшие под ними экипажи и всадников; а на противоположной стороне тротуар располагался почти на два метра ниже уровня проезжей части. С обеих сторон дорогу соединяли с тротуарами лестницы – соответственно вниз и вверх. Весь город производил впечатление какого-то гигантского акробатического аттракциона, где все сначала подскакивали вверх, потом бежали и прыгали вниз». В своем рассказе о Великом пожаре 1871 года Элиас Колберт удивлялся, «как подвыпившие мужики умудрялись добраться до дома и не сломать себе шею». Бытовала даже такая шутка: «когда коренной житель Чикаго попадает в Нью-Йорк, он не может спокойно ходить по ровной поверхности и, чтобы ощутить себя в привычной обстановке, периодически забегает в соседние дома, чтобы пробежаться вверх-вниз по лестницам».

Большая часть чикагских зданий в те дни возводилась без особого труда и довольно быстро, за исключением самого высокого городского строения, пятиэтажной гостиницы «Тремон» с площадью фундамента 60 x 20 м, при строительстве которой инженерам пришлось прилично попотеть. По мере того как улицы по соседству заполнялись домами, создавалось впечатление, что сама гостиница постепенно погружается в окружающую ее трясину, а злые языки утверждали, что так оно и есть. В конце концов инженеры пришли к выводу, что фундамент здания невозможно поднять на проектную высоту, поскольку гостиница строилась из кирпича. Однако эту работу взялся выполнить молодой и талантливый инженер Джордж М. Пульман – изобретатель знаменитых спальных вагонов, совершивших революцию в железнодорожных перевозках. С помощью ста двадцати человек, синхронно управлявших пятью тысячами домкратов, ему удалось постепенно поднять здание на 2,5 м, не разбив ни единого оконного стекла и так, что постояльцы даже ничего не заметили.

6

Уже упоминавшийся Андреас отмечал, что грязное и зловонное захолустье, которое представлял из себя Чикаго в 1830-х годах, тем не менее «имело основные признаки цивилизации», но ему возражал другой историк Иллинойса, Руфус Бленчард, считавший, что правильнее было бы охарактеризовать Чикаго тех дней как «типично приграничный город, предназначенный для традиционной торговли с индейцами – пушниной, мехами, одеялами, посудой, ножами, капканами, киноварью и виски. Обстановка в городе сохранялась довольно спокойная благодаря тому, что местные индейцы вели себя неагрессивно, а когда все же напивались, то их трезвые жены брали их под свой контроль». Роль аборигенов в жизни города в то время была весьма заметна. Так, в 1832 году один из местных индейских вождей – из племени потоватоми – внес 200 долларов (из общей суммы 486 долларов и 20 центов) на строительство первого моста «для проезда экипажей с людьми и груженых повозок» через реку Чикаго – довольно хлипкого бревенчатого сооружения, перекинутого через южный рукав реки, немного севернее современной Рэндольф-стрит. Этот мост – вместе с аналогичной пешеходной переправой к северу от развилки – упоминается в отчете о заседании городского совета, состоявшемся в декабре 1833 года, где говорилось о необходимости безотлагательного ремонта обоих мостов. Тот же чикагский историк полагает, что «бревна растащили на растопку сами горожане, поскольку это был обычный деревянный настил, перекинутый через русло». Тем не менее, эта убогая переправа прослужила вплоть до 1834 года, когда в районе Дирборн-стрит появился первый разводной мост, далекий предшественник современных мостов, ставших гордостью Чикаго.

Решительные шаги по превращению Чикаго в «город для белых людей» были предприняты в 1833 году. В течение лета этого знаменательного года в окрестностях города собралось около восьми тысяч индейцев из племен чиппева, оттова и потоватоми, а 28 сентября их вожди подписали договор с властями США, по которому они отказывались от всех прав на земли к востоку от Миссисипи общей площадью примерно два миллиона гектаров. Взамен американское правительство обязалось выплатить индейцам в течение двадцати пяти лет один миллион долларов – деньгами и товарами – и в течение двух лет переместить их на равные по размерам территории в Канзасе и на севере Миссури. Тут же была произведена предварительная выплата – в основном товарами – в размере 150 тысяч долларов. «Сообщалось, – пишет Элиас Колберт, – что уже в первые два вечера жуликоватые купцы умудрились украсть у индейцев товаров на двадцать тысяч долларов, пока те беззаботно накачивались виски, за которое расплачивались теми же товарами. Письмо путешественника, наблюдавшего эту картину, было опубликовано в газете «Трибюн» в 1869 году. Приведенное им выразительное описание напившихся до бесчувствия краснокожих и фантастической жадности обиравших их белых невольно заставляло усомниться в гуманности человеческой природы».

Следующая компенсационная выплата в размере 30 тысяч долларов товарами была выдана четырем тысячам индейцев в октябре 1834 года. «Сцена была не менее отвратительная, – пишет Колберт, – несколько индейцев погибли в пьяной драке». Любопытно отметить, что как раз во время выдачи товаров 6 октября на углу Джексон– и Маркет-стрит был убит забредший в город медведь, а еще одна группа охотников примерно в том же месте отстрелила до сорока волков!

Наконец, в августе 1835 года индейцы, окончательно распрощавшись с Чикаго и своими родными местами, добровольно отправились на Запад. Однако несколько метисов, оставшихся в городе, заработали себе немалую известность. Одним из них стал Мадор Бебьен, сын Джона Бебьена, вошедший в состав первого чикагского совета уполномоченных.

7

После устранения опасности со стороны индейцев на северо-запад устремились толпы иммигрантов с Востока, торопившихся занять огромные территории, оставленные индейцами. Чикаго стал настоящими воротами в землю обетованную. Бесчисленные иммигранты загрохотали улицы небольшого поселка. Первые переселенцы появились еще весной 1834 года, а к середине лета из Баффало ежедневно прибывало до двухсот пятидесяти тяжело нагруженных фургонов, из-за чего Чикаго буквально переполнился жадными до земли поселенцами. «Все гостиницы и доходные дома были заполнены под завязку, – писал Андреас, – и на каждой кровати, как правило, размещалось по три человека, остальные устраивались на полу. У многих эмигрантов не было ничего, кроме крытых повозок, на которых они приехали, и на ночлег они устраивались в наспех сколоченных лагерях. Все окрестности представляли сплошной бродячий табор с пасущимися между телегами стреноженными лошадьми и кострами, в которых жены варили еду для прожорливых пионеров». Местная газета «Демократ» в номере от 11 июня 1834 года приводит некоторые подробности этой иммиграционной волны: «Суда, переполненные переселенцами с Востока, практически непрерывно выплескивают на пристань все новые толпы людей. Одним из таких «ковчегов» является парусная шхуна «Пионер», совершающая регулярные рейсы до Сент-Джозефа. Забитая телегами, крытыми фургонами и семьями с их пожитками, она ежедневно привозит и выплескивает на берег многочисленные людские стада, направляющиеся в глубь страны».

Большая часть этих «прожорливых пионеров» направлялась дальше, в дикие прерии, но многие из них оседали и в самом Чикаго, в результате чего захолустный приграничный поселок быстро превращался в оживленный крупный город, охваченный спекуляцией земельными участками – причем в таких масштабах, которых Америка доселе не видела. Этот спекулятивный бум, разразившийся весной и летом 1833 года, привел к быстрому возведению сразу полтора десятка зданий и огромному количеству сделок с недвижимостью, большая часть которых формально касалась приобретения площадей под постройку жилья. По мере естественного скачка цен появлялись спекулянты и земельные агенты, открывшие свои конторы и организующие аукционные торги, которые «по масштабу не уступали земельным аукционам в Филадельфии и Нью-Йорке». Как вспоминал Андреас, «спекулятивная лихорадка быстро охватила как горожан, так и прибывавших гостей. К концу 1834 года эта зараза победила окончательно, и самым выгодным бизнесом в Чикаго считалась перепродажа земельных участков».

Земельный ажиотаж достиг своего пика летом 1836 года, когда процесс получил мощной толчок в связи с принятием решения о начале строительства канала между рекой Иллинойс и озером Мичиган. Английский писатель Гарриет Мартино, посетивший город как раз в эту пору, пишет, что «нигде не видел такой бешеной деловой активности, как в Чикаго летом 1836 года. Все улицы были заполнены спекулянтами, которые спешили поспеть с одного аукциона на другой, а по улицам гарцевали на белых лошадях негры в ярко-красной одежде и с такими же флагами, выкрикивая объявления о начале очередных торгов. На всех углах, где бы они ни остановились, их сразу окружали толпы любопытных, которых, казалось, охватила неведомая эпидемия. Жажда спекуляций была повсеместной. Пока мы двигались по улицам, из распахнутых дверей нас все время окликали организаторы аукционов, предлагавшие участки для ферм и другие земельные лоты, предостерегая при этом, что цены постоянно растут».

Торговля землей достигла невиданных масштабов. Один начинающий адвокат в течение пяти дней ежедневно зарабатывал по пятьсот долларов, просто выписывая документы на собственность; другой всего за два года сумел увеличить свое состояние в десять раз, обеспечив себя до конца жизни. За четыре месяца Земельное управление США продало в частные руки свободные земли общей стоимостью полмиллиона долларов; за десять месяцев через руки

одного торговца недвижимостью прошло 1,8 миллиона долларов, а шесть его коллег совершили продажу участков на сумму более миллиона долларов. Территории, выделяемые под застройку Чикаго, тут же исследовались, картографировались и выбрасывались на рынок, где в течение месяца десятки раз переходили из рук в руки. «По мере распределения центральных участков, – писал Андреас, – одержимость спекуляцией землей все больше распространялась на отдаленные районы, и весь Чикаго превратился в огромный аукционный зал, где за месяц продавалось и перепродавалось невероятное количество гектаров земли далеко за пределами городской черты, во всех направлениях Северо-Западного региона. Сюда входили сельскохозяйственные земли, лесные территории, участки под строительство новых городов, мелиоративных сооружений и других нужд. Часто карты территорий под городское строительство в штатах Висконсин и Иллинойс составляли без предварительного осмотра, а просто из общих представлений». Другой чикагский историк, Джозеф Балистер, замечает, что «преирии Иллинойса, леса Висконсина и песчаные холмы Мичигана, где предполагалось расположить новые поселки и города, представляли собой практически неосвоенные и неразведанные земли. Целые районы размечались и населялись людьми исключительно на бумаге». Чикагская газета «Американец» в выпуске от 2 июля 1836 года саркастически писала, что «быстрота, с которой на рынке недвижимости появляются целые города, просто изумляет».

В условиях бешеного ажиотажа на рынке недвижимости цены на земельные участки – особенно в самом Чикаго и его ближайших окрестностях – достигли пугающе высокого уровня, который не удалось превзойти за последующие тридцать лет. Так, часть имения Кинзи, выставленная в 1833 года на торги за 5,5 тысячи долларов, три года спустя была продана за 100 тысяч долларов. Начальная цена на земельные участки площадью 16 гектаров, отведенные в 1833 году под городскую застройку, составляла 1 тысячу долларов за гектар, а в 1836 году их суммарная стоимость достигла 200 тысяч долларов. Другой земельный надел, купленный в 1833 году за 20 тысяч, в 1836-м был продан уже за 500 тысяч, но вскоре об этом пожалели. Участок на углу Лэйк– и Стейт-стрит, цена на который (300 долларов) в начале 1834 года казалась чрезмерно высокой, в 1836 году оценивался уже в 60 тысяч долларов. Гордон Хаббард, торговавший в те времена с индейцами и прославившийся среди горожан своей физической выносливостью – однажды он за один день прошел сто с лишним километров, – приобрел в 1830 году два участка на Ласалль-стрит за 66 долларов, а в 1836 году продал их за 80 тысяч долларов. В 1835 году он вместе с компаньонами купил 32 гектара земли в пригороде Чикаго за 5 тысяч долларов, а всего три месяца спустя продал половину за 80 тысяч долларов.

Вильям Огден, молодой адвокат, уроженец Нью-Йорка, бывший одно время членом законодательного собрания штата, прибыл в Чикаго весной 1835 года с целью осмотра земель, приобретенных его клиентом за 100 тысяч долларов. Оказалось, что большая часть этой территории находится глубоко под водой, а оставшиеся земли сильно заболочены. «Вас здорово надули, – писал он покупателю. – Участок этого не стоит, и вряд ли цена достигнет этого уровня в ближайшие несколько десятков лет». Тем не менее, он осмотрел весь участок и составил план местности, а уже через три месяца местные спекулянты, которых он вначале посчитал сумасшедшими, выкупили треть этой территории за те же деньги, которые его клиент заплатил за весь участок. К этому времени сам Огден уже настолько проникся верой в блестящее будущее северо-западной окраины Штатов, что, не мешкая, свернул свой бизнес на Восточном побережье и перебрался в Чикаго, став впоследствии его мэром. На протяжении многих лет он был главным предпринимателем на рынке недвижимости и достиг в этом деле огромных успехов.

8

В Чикаго еще не схлынул земельный бум, когда 4 марта 1837 года законодательное собрание штата Иллинойс приняло решение о придании Чикаго статуса крупного города и определило его общую площадь около 5 квадратных километров. На первых выборах, прошедших 2 мая того же года, Огден был избран первым чикагским мэром, собрав вдвое больше голосов, чем его соперник Джон Кинзи, сын «отца Чикаго». Перепись, проведенная полгода спустя, показала, что в городе проживало 4170 жителей, имелось пятьсот строений – включая здание суда, тюрьму и пожарную часть, около 400 жилых домов, порядка 80 складских помещений и магазинов, десять пивных и пять церквей. В городе выходило две газеты – «Демократ», который с 26 ноября 1833 года издавал Джон Кэлхаун, и «Американец», основанный Т.О. Дэвисом 8 июня 1835 года. В одном из своих первых номеров «Американец» опубликовал следующее любопытное объявление:

«В субботу 8-го числа моя супруга, Мэри Бамли, безо всякой причины и ничего не сказав покинула мой дом и постель. Полагаю, она сбежала к некоему Хузьеру, который, похоже, знает ее ближе, чем я раньше думал. Готов щедро вознаградить обоих, если они останутся вдвоем навеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.